

84Р6
3-38

Борис Заходер

СТИХИ и сказки

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

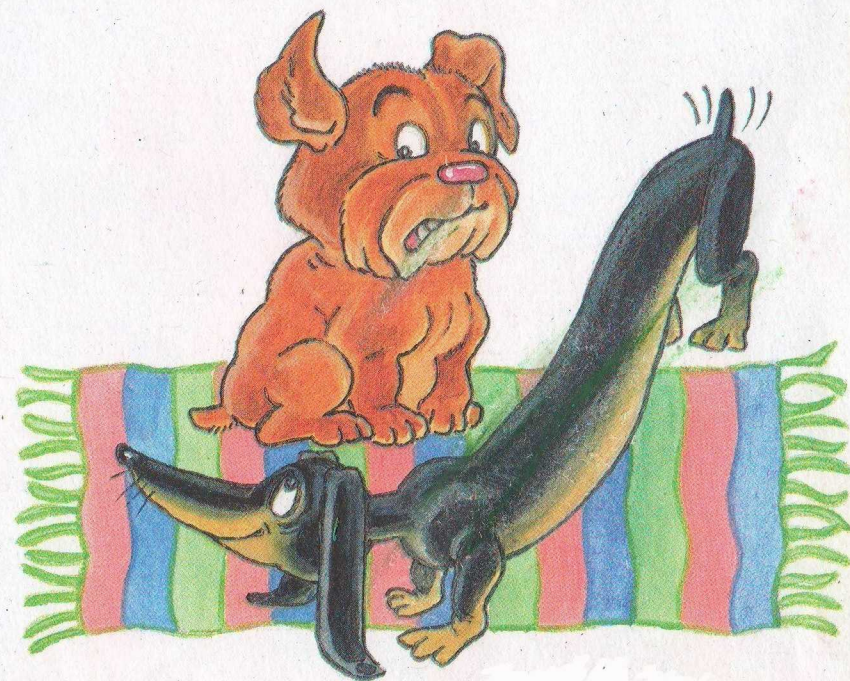

«СТРЕКОЗА»

Борис Заходер

СТИХИ и сказки

Художник М. Кондратенко

«СТРЕКОЗА» 2007

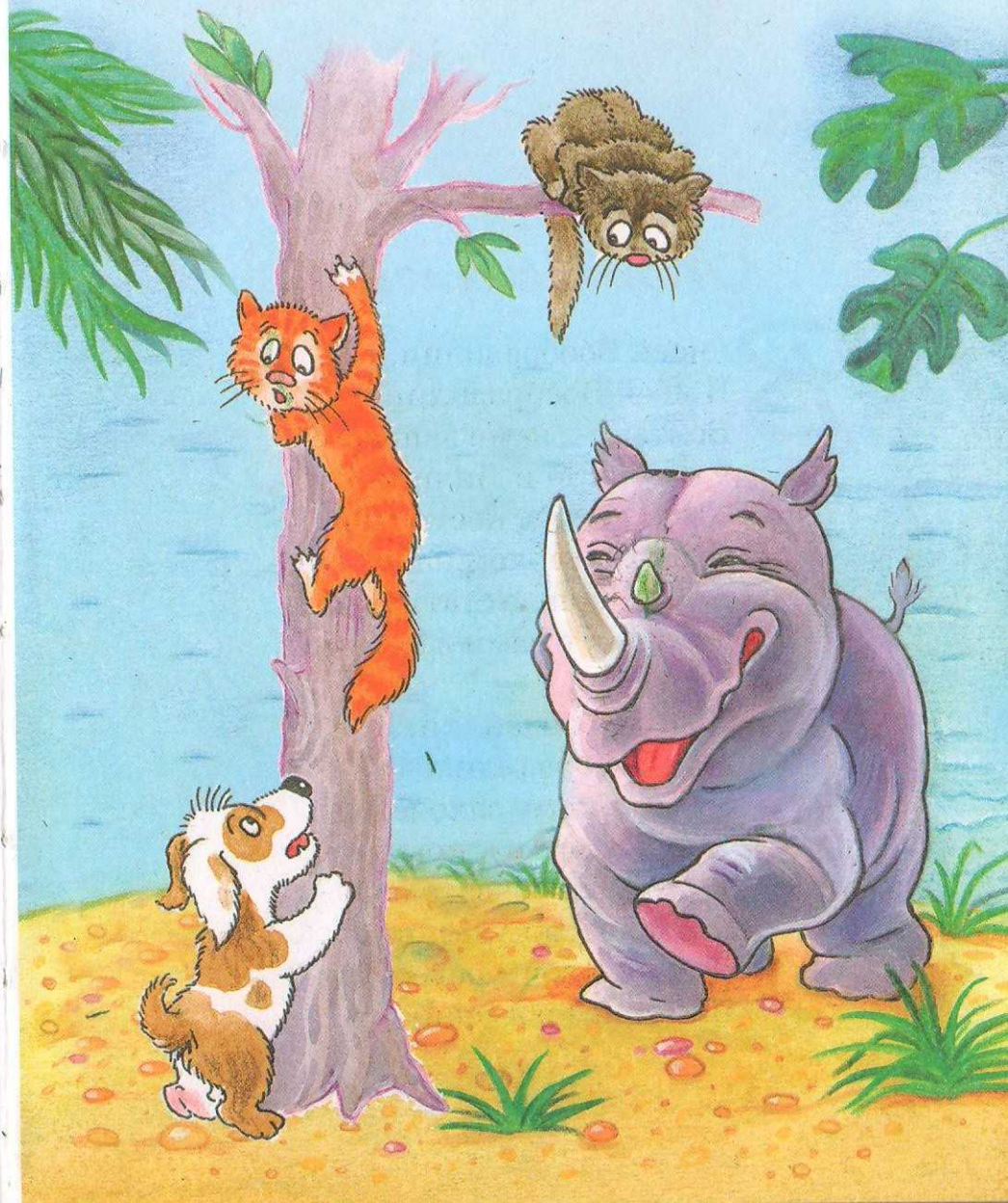
Книгу предоставил Алексей Сар

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
3-38

ISBN 978-5-89537-468-9

© Насл. Бориса Заходера, 2007
© Состав. Е. Позина, 2007
© «Стрекоза», 2007

Стихи

МОЯ ВООБРАЗИЛИЯ

Моя Вообразилия

В моей Вообразилии,
В моей Вообразилии
Болтают с вами запросто
Настурции и Лилии;
Умеют Львы косматые
Скакать верхом на палочке,
А мраморные статуи
Сыграют с вами в салочки!

Ура, Вообразилия,
Моя Вообразилия!
У всех, кому захочется,
Там вырастают крылья;
И каждый обязательно
Становится кудесником,
Будь он твоим ровесником
Или моим ровесником!..

В моей Вообразилии,
В моей Вообразилии —
Там царствует фантазия
Во всем своем всеилии;
Там все мечты сбываются,
А наши огорчения
Сейчас же превращаются
В смешные приключения!

В мою Вообразилию
Попасть совсем несложно:
Она ведь исключительно
Удобно расположена!
И только тот, кто начисто
Лишен воображения, —
Увы, не знает, как войти
В ее расположение!..

Бочонок собачонок

— Дайте мне
Кусок щекотки,
Дайте смеха —
Две щепотки,
Три столовых ложки
Ветра
И грозы —
Четыре метра!
Писку-визгу —
Двести граммов
Плюс пол-литра
Шумов-гамов
Да еще
Глоток веревки
И моточек газировки!

— Дам я все,
Что вы хотите,
Если вы
В обмен дадите
Тюк
Мальчишек,
Пук
Девчонок
Да бочонок
Собачонок!

Кит и кот

К.И. Чуковскому

В этой сказке
Нет порядка:
Что ни слово —
То загадка!
Вот что
Сказка говорит:
Жили-были
КОТ
и КИТ.

КОТ — огромный, просто страшный!
КИТ был маленький, домашний.
КИТ мяукал.
КОТ пыхтел.
КИТ купаться не хотел,
Как огня воды боялся.
КОТ всегда над ним смеялся!

Время так проводит КИТ:
Ночью бродит,
Днем храпит.
КОТ
Плывет по океану,
КИТ
Из блюда ест сметану.

Ловит
КИТ
Мышей на суше.
КОТ
На море бьет
Баклуши!
КИТ
Царапался, кусался,
Если ж был неравен спор —
От врагов своих спасался,
Залезая на забор.

Добрый КОТ
Ни с кем не дрался,
От врагов
Уплыть старался:
Плавниками бьет волну
И уходит
В глубину...

КИТ
Любил залезть повыше.
Ночью
Песни пел на крыше.
Позовешь его:
— Кис, кис! —
Он охотно
Спрыгнет вниз.

Так бы все и продолжалось,
Без конца, само собой.

Но
Развязка приближалась:
В море
Вышел
Китобой.

Зорко смотрит
Капитан.
Видит — в море
Бьет фонтан.
Он команду подает:
— Кит по курсу!
Полный ход!

Китобой
Подходит к пушке...
Пушки это не игрушки!
Я скажу
Начистоту:
Не завидую
КИТУ!

— Мама! —
Крикнул китобой,
Отскочив от пушки, —
Что же это?..
Хвост трубой...
Ушки на макушке...
Стоп, машина!
Брысь, урод!

Эй, полундра:
В море КОТ!
— Успокойся!
Что с тобой?
— Я, — кричит, — не котобой!
Доложите капитану —
Я стрелять в кота не стану!
Наказать я сам готов
Тех, кто мучает котов!

«Всем-всем-всем! —
Дрожа, как лист,
Телеграмму шлет радист. —
Всем-всем-всем!
На нас идет
Чудо-Юдо Рыба-Кот!
Тут какая-то загадка!
В этой сказке нет порядка!
Кот обязан жить на суше!
SOS (Спасите наши души!)»

И в ответ
На китобазу
Вертолет
Садится сразу.
В нем
Ответственные лица
Прилетели из столицы:
Доктора,
Профессора,

Медицинская сестра,
Академик по Китаю,
Академик по Котам,
С ними семьдесят студентов,
Тридцать пять корреспондентов.
Два редактора с корректором,
Кинохроника с прожектором,
Юные натуралисты
И другие специалисты.
Все на палубу спустились,
Еле-еле разместились.
Разбирались
Целый год —
Кто тут КИТ
И где тут КОТ.

Обсуждали, не спешили.
И в конце концов
Решили:
«В этой сказке нет порядка.
В ней ошибка,
Опечатка:
Кто-то,
Против всяких правил,
В сказке буквы переставил,
Переправил
«КИТ» на «КОТ»,
«КОТ» на «КИТ», наоборот!».
Ну
И навели порядок:
В сказке больше нет загадок.

В океан
Уходит КИТ,
КОТ на кухне
Мирно спит...
Все как надо,
Все прилично.
Сказка стала — на «отлично»!
Всем понятна и ясна.

Жаль,
Что кончилась
Она!..

Слонопотам

Разве можно,
Разве можно
Огорчаться и грустить?
Это просто невозможно,
Невозможно допустить!
Невозможно допустить,
Чтобы вы могли грустить,
Если вдруг
Явился к вам
ЖИВОЙ СЛОНОПОТАМ!
Послушный,
Добродушный,
Ручной слонопотам,

Который так и бегают
За вами по пятам!

Он знает все загадки,
Играет с вами в прятки,
Рассказывает сказки
И песенки поет —
И в сутки
Ни минутки,
Буквально ни минутки,
Да, ни одной минутки
Скучать вам не дает!

Про собачечек. Характеры

1

Жила-была Собачка —
Везде-Свой-Нос-Совачка,
Она свой нос совала
Во всякие места.

Ее предупреждали:
— Оставь свою привычку!
С такой привычкой можно
Остаться без хвоста!
Упрямая Собачка —
Везде-Свой-Нос-Совачка

Упрямо отвечала:
— На хвост мне наплевать!

Хотите — рычите,
Хотите — помолчите,
Но я не перестану
Свой нос везде совать!

— А что же было дальше?
Нам очень интересно!
— Мне тоже интересно,
Тут нечего скрывать!
Но только,
К сожалению,
Мне это неизвестно —
Уж я-то в это дело
Свой нос не стал совать!..

2

Жил на свете
ПЕС СОБАЧИЙ.
У него был
Нос СОБАЧИЙ,
Хвост СОБАЧИЙ,
Рост СОБАЧИЙ,

Нюх СОБАЧИЙ,
Слух СОБАЧИЙ.
И характер был СОБАЧИЙ,
То есть
Несколько
ГОРЯЧИЙ!..

Жалостная песенка про Кошечек и Собачечек

Ах,
Где-то Кошечки
И Собачечки
Бегают по свету —
Но
Ни Кошечки,
Ни Собачечки
У ребенка нету...

Ах,
Эти Кошечки
Да Собачечки
Жизнь так украшают,

Но мне
Ни Кошечку,
Ни Собачечку
Взять не разрешают!..

Ах,
Мне
Ни Кошечку,
Ни Собачечку
Взять не разрешают!..
Мол, будто
Кошечки
Да Собачечки
Людям жить
Мешают...

Но
Ни Кошечки,
Ни Собачечки
Жить нам
Не мешают, —
А мешают нам
Те, которые
Все не разрешают!

Ах,
Мне бы Кошечку,
Мне б Собачечку —
Все равно
Какую, —
Ведь без Кошечки,
Без Собачечки
Горько я
Тоскую...

Сказка про доброго Носорога

Жил-был Носорог,
На других непохожий:
Носорог
С удивительно тонкой кожей.
В джунглях жил,
Среди хищных зверей,
А кожа была у бедняги
Действительно
Тоньше бумаги
И очень, очень чувствительна!

С виду он был
Носорог носорогом,
Что
Говорит
О многом...

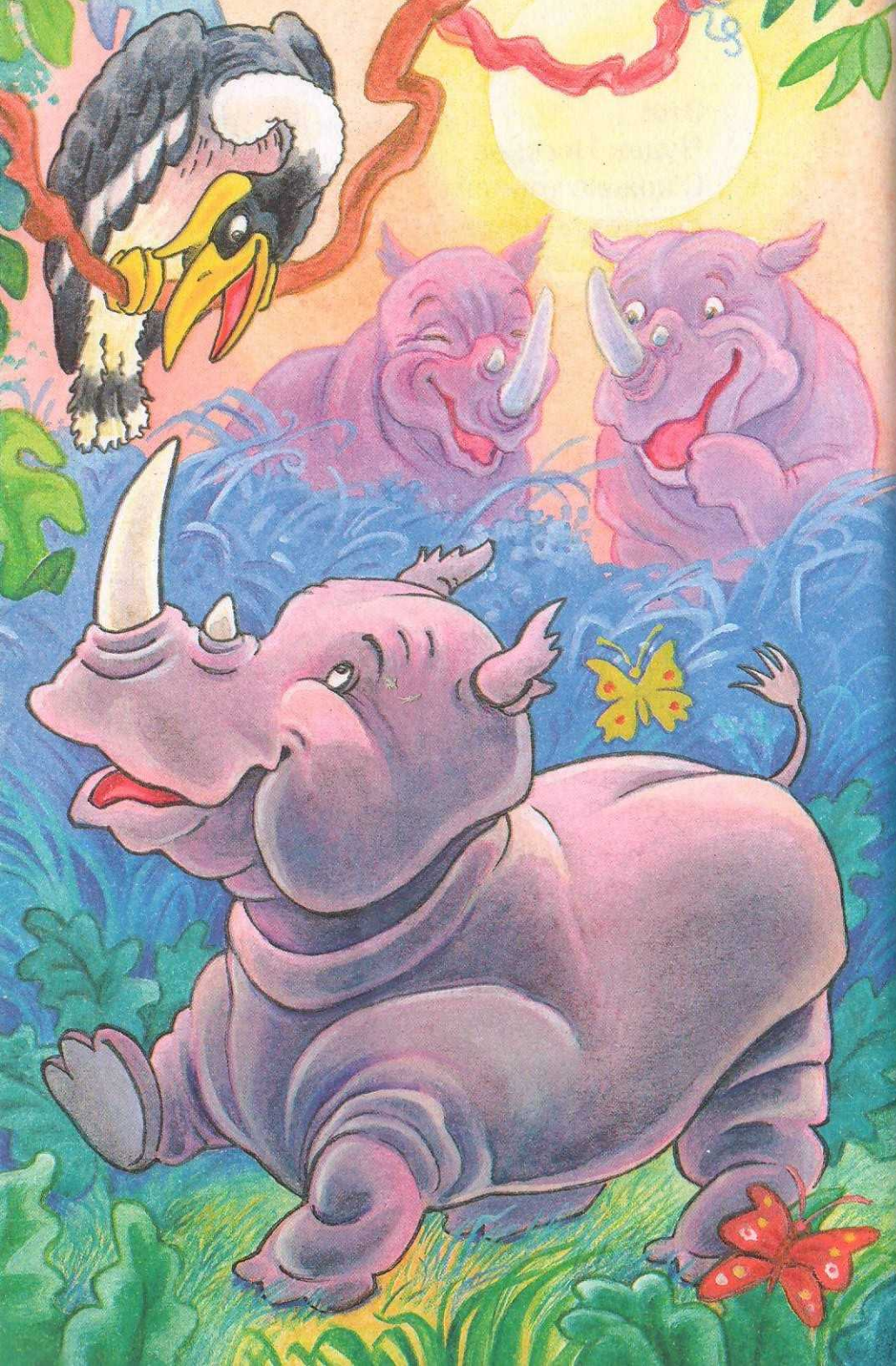
Ноги как тумбы,
Чудовищная голова,
Рог на носу
Или даже, кажется, два!

Но
Хорошего носорога
Не прошибешь и дубиной.
А он
Еле-еле мог
Стерпеть укус комариный;
Погладят его против шерсти —
И это его огорчает...
Таких мелочей
Носороги,
Как правило, не замечают!
Прут напролом носороги,
Не разбирая дороги!
Любят
Топать и давить,
Мять и крушить
Носороги.
Кто на пути попадет —
Не глядя,
Раздавят в лепешку...
А этот
Чудак Носорог
Не мог раздавить и кошку!

Этот
Чудак Носорог
С кожей тонкой
Разных мышат-лягушат
И то обходил сторонкой!
— Я, — говорит, — не могу!
Пусть все
Как хотят поступают,
Но,
По-моему,
Им неприятно,
Когда на них
Наступают!

Толстокожие братья
Стали срамить Носорога:
— Это же черт знает что!
Носорог-недотрога!
— Вспомни, кто ты такой!
— Одумайся, тонкокожий!
— Ты ведь позоришь не только себя —
Весь наш род
Носорожий!..

— Ох, — отвечает чудак, —
Я с вами, братцы, не спорю!
Я просто не знаю,
Как
Помочь вашему горю!

Я понимаю вас,
Я ведь тоже
Зверь по натуре,
Но только я
Кое-что
Испытал на собственной шкуре...

Тем и окончился спор.
И чудака
С улыбкою кроткой
В чащу лесную ушел
Своей
Осторожной походкой.
Дружит он с птичкой Калау,
С братьями
Редко встречается
И,
Говоря между нами,
Не особенно огорчается!

ПЕРЕМЕНА

Два и три

Пошел Сережа в первый класс.
С Сережкой не шути!

Считать
Умеет он у нас
Почти
До десяти!
Не грех такому мудрецу
Задрать курносый нос!
Вот как-то за столом отцу
И задал он вопрос:

— Два пирожка тут, папа, да?
А хочешь — на пари! —
Я доказать могу всегда,
Что их не два, а три!

Считаем вместе.
Вот ОДИН.
А вот и ДВА, смотри!
ОДИН да ДВА, — закончил сын, —
Как раз и будет ТРИ!
— Вот молодец! — сказал отец. —
И в самом деле три!
И потому
Я два возьму,
А третий ты бери!

Никто

Завелся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья!

Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всем
Лишь он один — НИКТО!

Кто, например, залез в буфет,
Конфеты там нашел
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?
Кто в папин стол свой нос совал?
НИКТО, НИКТО, НИКТО!

— НИКТО — ужасный сорванец! —
Сказала строго мать. —
Его должны мы наконец
Примерно наказать!
НИКТО сегодня не пойдет
Ни в гости, ни в кино!

Смеетесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

Не везет

Отчего-то мне
Весь год
Не везет и не везет!

Не везет мне на футболе:
Как ударишь — нет стекла!
Дома не везет,
А в школе...
В школе — жуткие дела!

Хоть на той контрольной, скажем,
Я
Вполне
Четверки ждал:
Петька — с ним контакт налажен —
Мне шпаргалку передал.

Ну, как будто все в порядке!
...Возвращают нам тетрадки.
Мы глядим.
И что же в них?
В них — четверка...
На двоих!
Петька смотрит виновато...
Я не бил его, ребята.
Он же это не назло.
Просто
Мне не повезло!

Уж такой я невезучий,
Незадачливый такой!
Взять, к примеру, этот случай:
Я,
На все махнув рукой,
Взял
Уроки сделал честно,
Сделал, не жалея сил!
Ну и что же?
Бесполезно!
Так никто и не спросил!
А обычно нет и дня,
Чтоб не вызвали меня.
Хоть под парту лезь — и тут
Обязательно найдут!

Никакого нет спасенья
От такого невезенья!
И всего обидней что?
Не сочувствует никто!

...Рано утром было это.
Сел в трамвай я на ходу.
Я решил не брать билета —
Скоро, думаю, сойду.
Ну откуда в эту пору
Было взяться контролеру?
Он
Остановил вагон,
И меня выводят вон!

Я сказал, понятно, сразу:
 — Не везет, как по заказу! —
 А кругом как захохочут!
 — Верно, — говорит народ, —
 Раз трамвай везти не хочет,
 Тут уж ясно —
 Не везет!

Петя мечтает

...Если б мыло
 Приходило
 По утрам ко мне в кровать
 И само меня бы мыло —
 Хорошо бы это было!
 Если б, скажем,
 Мне
 Волшебник
 Подарил такой учебник,
 Чтобы он бы
 Сам бы
 Мог
 Отвечать любой урок...

Если б ручку мне в придачу,
 Чтоб могла
 Решить задачу,
 Написать диктант любой —
 Все сама,
 Само собой!
 Если б книжки и тетрадки
 Научились быть в порядке,
 Знали все
 Свои места —
 Вот была бы красота!
 Вот бы жизнь тогда настала!
 Знай гуляй да отдыхай!
 Тут и мама б перестала
 Говорить, что я лентяй...

Вредный кот

— Петь, здорово!
 — Здравствуй, Вова!
 — Как уроки?
 — Не готовы...
 Понимаешь, вредный кот
 Заниматься не дает!

Только было сел за стол,
 Слышу: «Мяу...» —
 «Что пришел?

Уходи! — кричу коту. —
 Мне и так... не вмоготу!
 Видишь, занят я наукой,
 Так что брысь и не мяукай!»
 Он тогда залез на стул,
 Притворился, что уснул.
 Ну и ловко сделал вид —
 Ведь совсем как будто спит!
 Но меня же не обманешь...
 «А, ты спишь? Сейчас ты встанешь!
 Ты умен, и я умен!».
 Раз его за хвост!
 — А он?
 — Он мне руки исцарапал,
 Скатерть со стола стянул,
 Все чернила пролил на пол,
 Все тетрадки мне заляпал
 И в окошко улизнул!

Я кота простить готов,
 Я жалею их, котов.
 Но зачем же говорят,
 Будто сам я виноват?

Я сказал открыто маме:
 «Это просто клевета!
 Вы попробовали б сами
 Удержать
 за хвост
 кота!» .

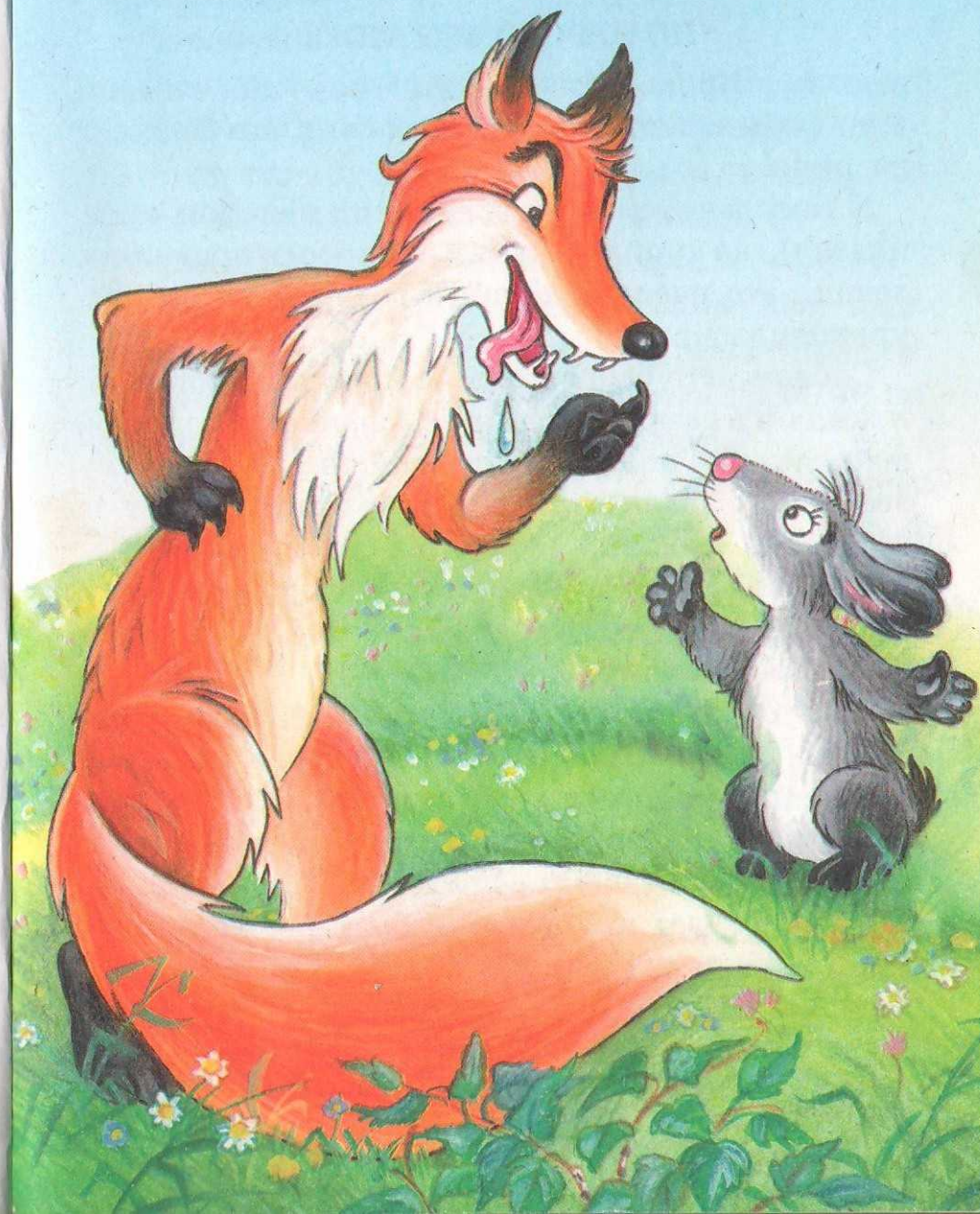
Перемена

«Перемена, перемена!» —
 Заливается звонок.
 Первым Вова непременно
 Вылетает за порог.
 Вылетает за порог —
 Семерых сбивает с ног.
 Неужели это Вова,
 Продремавший весь урок?
 Неужели этот Вова
 Пять минут назад ни слова
 У доски сказать не мог?
 Если он, то, несомненно,
 С ним бо-о-льшая перемена!
 Не угонишься за Вовой!
 Он гляди какой бедовый!
 Он за пять минут успел
 Переделать кучу дел:
 Он поставил три подножки
 (Ваське, Кольке и Сережке),

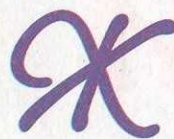
Прокатился кувырком,
На перила сел верхом,
Лихо шлепнулся с перил,
Подзатыльник получил,
С ходу дал кому-то сдачи,
Попросил списать задачи, —
Словом,
Сделал все, что мог!
Ну а тут — опять звонок...
Вова в класс плетется снова.
Бедный! Нет лица на нем!
— Ничего, — вздыхает Вова, —
На уроке отдохнем!

Сказки

Ма-Тари-Кари

ЖИЛ-БЫЛ Крокодил.

Нет, нет, это был совсем не тот известный Крокодил, который

ПО НЕВСКОМУ ХОДИЛ! —

ведь тот Крокодил, как ты, конечно, знаешь, жил да был, а этот просто жил-был. Это большая разница!

К тому же этот Крокодил ходил мало (он чаще плавал), не курил никаких папирос (и правильно делал, это очень вредно!) и говорил только по-крокодильски.

Словом, это был самый настоящий Крокодил, и жил он в самой настоящей Африке, в большой реке, и, как полагается настоящему Крокодилу, все у него было страшное: страшный хвост и страшная голова, страшная пасть и **ОЧЕНЬ СТРАШНЫЕ ЗУБЫ!** (Только лапки у него были коротенькие, но Крокодил считал, что они **СТРАШНО** коротенькие.)

А самое страшное: он никогда не чистил своих **ОЧЕНЬ СТРАШНЫХ ЗУБОВ**: ни перед едой, ни после еды (аппетит у него тоже был **СТРАШНЫЙ!**), ни утром, перед завтраком, ни вечером, умываясь перед сном... (Умываться он, что правда, то правда, никогда не забывал, но когда живешь в реке, это не такая уж большая заслуга, верно?)

И неудивительно, что в один прекрасный день (так уж говорится, хотя для Крокодила, поверь, этот день вовсе не был прекрасным!), неудивительно, что в один прекрасный день у Крокодила заболели зубы.

Да еще как! **СТРАШНО!**

Заболел-то, правду сказать, только один зуб, но Крокодилу казалось, что болят все зубы сразу. Потому что в зубе и кололо, и ныло, и словно буровом сверлило, и вдобавок стреляло!

Крокодил прямо-таки не находил себе места!

Он кидался в воду и нырял на самое дно, надеясь, что от прохладной воды ему станет полегче, и сначала ему как будто становилось легче, но потом зуб начинал ныть вдвое сильнее!

Он как бешеный выскакивал на берег, на горячий песок, в надежде, что ему поможет тепло, и в первую минуту ему как будто помогало, но потом!..

Он стонал, он кряхтел, он хныкал (некоторые считают, что все это помогает), но ему только делалось все хуже, хуже и хуже!

А хуже всего было то, что некому было его пожалеть: ведь он был **СТРАШНЫЙ КРОКОДИЛ**, и характер у него тоже был **СТРАШНЫЙ**, и он многих обидел на своем веку и никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не сказал ни одного **ДОБРОГО СЛОВА!**

Звери и птицы, правда, сбегались со всех сторон, но они стояли поодаль и только удивлялись, глядя, что вытворяет Крокодил. А удивляться было чему, потому что Крокодил и вертелся, и метался, и стучался головой о прибрежные скалы, и даже пробовал попрыгать на одной ножке. Но все это ему ни капельки не помогало!

И вдобавок лапки у него были такие коротенькие, что он никак не мог даже поковырять в зубах (хотя, если бы и мог, это бы ему мало помогло!).

И наконец бедный Крокодил в отчаянии растянулся под большим-пребольшим бананом (под маленьким он бы не поместился) и заревел в голос.

— Ой-ой-ой! — плакал он басом. — Бедные мои зубки! Ой-ой-ой! Бедный я Крокодил!

Вот поднялось веселье!

Звери и птицы хохотали и прыгали от радости; одни кричали: «Так тебе и надо!» — другие: «Ага, попался!».

Мартышки даже швыряли в него камешками и песком, а особенно веселились птицы — ведь у них-то не было никаких зубов!

Тут Крокодилу стало так больно и обидно, что из его глаз покатились слезы — СТРАШНО большие слезы!

— Глядите! Крокодиловы слезы! — крикнул пестрый Попугай и расхохотался первым.

За ним засмеялись те, кто знал, что означают эти слова, а там и все остальные, и вскоре поднялся такой шум и хохот, что маленькая птичка Тари — хорошенькая беленькая птичка, ростом побольше голубя и поменьше пигалицы — прилетела посмотреть, в чем дело.

А узнав, в чем дело, она очень рассердилась.

— Как вам не стыдно! — крикнула она своим звонким голосом.

И все сразу замолчали, и стало слышно, как стонет Крокодил:

— Ой-ой-ой! Бедные мои зубки! Ой-ой-ой! Как больно!

— А почему это нам должно быть стыдно? — спросила какая-то Мартышка.

— Стыдно смеяться над бедным Крокодилом! — ответила птичка Тари. — Ведь у него болят зубы! Ему больно!

— Можно подумать, ты знаешь, что такое зубы! — фыркнула Мартышка и скорчила рожу.

— Зато я хорошо знаю, что значит — «больно»! — сказала птичка Тари. — И знаю, что если тебе больно, а над тобой смеются — тебе вдвое больнее! Вы видите — Крокодил плачет!

— Крокодиловыми слезами! — повторил Попугай и засмеялся. Но никто его не поддержал.

— Попугай ты! — с презрением сказала птичка Тари. — Говоришь, а сам не понимаешь, что говоришь! Никакие это не крокодиловы слезы!

— Как же так? Ведь плачет-то Крокодил? — удивился Попугай.

— Эх, ты! — сказала птичка Тари. — Зубы-то у него по-настоящему болят, верно? Значит, и слезы настоящие! Самые настоящие горькие слезы!

— Еще бы не настоящие! — сказал Крокодил страшным басом и вдруг перестал плакать. — Ой! — продолжал он с изумлением. — Мне кажется... что мне, кажется, стало легче... Нет! Ой-ой-ой! Мне это только кажется!

И он заплакал еще громче.

— Все равно мне его не жалко, — заявила Мар-

тышка. — Он сам виноват: почему он никогда не чистит зубы? Брал бы с нас пример!

И она тут же принялась чистить зубы шершавой веточкой дерева Мъсваки — это она собезьянничала у людей.

— Да ведь я же, — простонал Крокодил, — я же не знал, что их надо чистить!..

— А если бы ты знал, ты бы чистил? — спросила птичка Тари.

— Если бы знал? Конечно, НЕТ! — прохныкал Крокодил. — Как я могу чистить зубы, когда у меня такие СТРАШНО коротенькие лапки?

— Ну а если бы ты мог, ты бы чистил? — настаивала птичка Тари.

— Еще бы! — сказал Крокодил. — Ведь я чистоплотный Крокодил и каждый день умываюсь. Хотя это не такая уж большая заслуга. Для того, кто живет в реке, — скромно прибавил он.

И тут птичка Тари, маленькая, белая с черным птичка, ростом чуть побольше голубя и чуть поменьше пигалицы, сделала такую удивительную вещь, что все ахнули. Она смело подлетела прямо к страшной пасти Крокодила, к самому его носу, и скомандовала:

— Открой рот!

Крокодил послушно открыл пасть, и все снова ахнули и отступили на шаг (не меньше!), потому что пасть у Крокодила была (ты не забыл?)

СТРАШНАЯ, а в ней торчали ОЧЕНЬ СТРАШНЫЕ ЗУБЫ.

Но все ахнули гораздо громче (а многие даже зажмурились!), когда птичка Тари вскочила прямехонько в крокодилю пасть!

— Смотри не вздумай закрыть рот, а то у нас ничего не получится! — сказала она, и Крокодил, разинув пасть еще шире, ответил:

— О-Э-О! — что должно было означать: «Конечно!». (Попробуй сам сказать «конечно» с открытым ртом, только ни в коем случае не закрывай его, а то у тебя ничего не получится...)

— Какой ужас! — крикнула птичка Тари спустя полминуты. — Просто страшно, что тут творится! Это не пасть, а какое-то... — Птичка запнулась, она хотела сказать «болото», но побоялась обидеть Крокодила. — Чего тут только нет! — продолжала она. — Даже пиявки! И черные,

и зеленые, и с красными полосками! Да, самое время было почистить тебе зубы!

Крокодил, услышав про пиявок, только тяжело вздохнул.

— Ну ничего, ничего, — продолжала птичка Тари, — сейчас мы все приведем в порядок!

И птичка Тари принялась за дело.

— Ну вот и он — больной зуб! — вскоре крикнула она весело. — Сейчас мы его выдернем! Раз... два... три! Готово!

Крокодил ойкнул.

Птичка тоже.

— Ой! — сказала она. — Ой, а под ним-то, оказывается, новый растет! Как интересно!

— У нас так всегда бывает! — похвалился Крокодил (кстати, это суцая правда), но так как он ни на секунду не за-

бывал, что пасть закрывать нельзя, то получилось у него только: У-А-А-Э-А-Ы-А-Э!

И не все поняли, что он хотел сказать.

Через пять минут все было готово.

Звери и птицы были до крайности изумлены, увидев, что птичка Тари выпорхнула из крокодильей пасти целой и невредимой, и казалось, сильнее удивиться они не могли, но все-таки им пришлось удивиться еще больше, потому что первые слова, которые произнес Крокодил, закрыв наконец пасть, были такие:

— Большое-большое спасибо тебе, добрая птичка! Мне гораздо, гораздо, гораздо легче!

И тут все звери и птицы сами разинули рты, словно хотели, чтобы птичка Тари тоже почистила им зубы. Но это, конечно, не так (тем более что у птиц, как ты знаешь, нет никаких зубов!). Просто они удивились до самой, самой последней крайности потому, что НАСТОЯЩИЙ СТРАШНЫЙ КРОКОДИЛ ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ СКАЗАЛ НАСТОЯЩЕЕ ДОБРОЕ СЛОВО!

— Какие пустяки, — скромно сказала птичка Тари. — Не стоит благодарности, тем более что пиявки были — первый сорт! Особенно эти, в красную полосочку! Если хочешь, я буду каждый день тебе чистить зубы!

— Еще бы не хочу!.. — сказал Крокодил.

— Договорились! — сказала птичка Тари, и мартышки вдруг захлопали в ладоши, все другие

звери запрыгали и затопали копытами, а птицы запели свои самые веселые песни, сами не зная почему...

И вот с этого-то самого дня птичку Тари называют Ма-Тари-Кари, что на крокодильем языке означает: «Маленькая птичка, которая делает большие добрые дела»...

И если тебе очень повезет и ты поедешь в Африку, ты сможешь своими глазами увидеть, как Ма-Тари-Кари чистит зубы Крокодилу и предупреждает его об опасности (ведь иногда и Крокодилу грозит опасность!).

Некоторые, правда, зовут ее за это Крокодиловым Сторожем, а то и Крокодилей Зубочисткой, но Ма-Тари-Кари не обижается: она говорит, что, с тех пор как они подружились, характер у Крокодила стал уже не такой СТРАШНЫЙ.

Что ж, это вполне возможно.

Русачок

ЖИЛ-БЫЛ маленький зайчик, по имени Русачок, и был у него знакомый Головастик. Зайчик жил на лесной опушке, а Головастик — в пруду.

Бывало, встретятся — Головастик хвостом виляет, Русачок лапками барабанит. Русачок ему — про морковку, а Головастик — про водоросли. Весело!

Вот как-то приходит Русачок к пруду — глядь-поглядь, а Головастика нет. Как в воду канул.

А на берегу какой-то Лягушонок сидит.

— Эй, Лягушонок, — говорит Русачок, — не видал моего знакомого Головастика?

— Нет, не видал, — отвечает Лягушонок, а сам хохочет: — Хва-хва-хва!

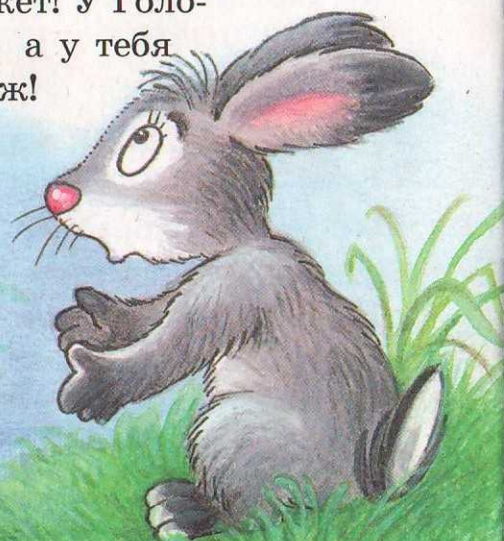
— Чего же ты смеешься, — обиделся Русачок, — у меня приятель пропал, а ты хохочешь! Эх, ты!

— Да не я «эх», — говорит Лягушонок, — а ты «эх»! Своих не узнаешь! Это ж я и есть!

— Что значит — я? — удивился Русачок.

— Я и есть твой знакомый Головастик!

— Ты? — еще больше удивился Русачок. — Быть того не может! У Головастика хоть хвост был, а у тебя что? Ты совсем и не похож!

— Мало ли что не похож, — отвечает Лягушонок, — а все равно это я! Просто я вырос — и в Лягушонка превратился. Так всегда бывает!

— Вот так штука, — говорит Русачок. — Всегда, говоришь, так бывает?

— Конечно, всегда! Все так: как вырастут, так и превратятся! Из червячка — комар или там жук получится, из икринки — рыбка, а из головастика — известное дело — лягушка! Даже стихи такие есть:

Головастики спешат
Превратиться в лягушат!

Ну тут Русачок ему окончательно поверил.

— Спасибо, что сказал, — говорит. — Тут есть над чем подумать!

И разошлись.

Пришел Русачок домой и спрашивает свою маму:

— Мам! Скоро я вырасту?

— Скоро, скоро, сынок, — говорит мама. — Как листья пожелтеют — будешь большой! Мы, зайцы, быстро растем!

— А в кого я превращусь?

— Что значит — в кого превращусь? — не поняла мама.

— Ну, кем я стану, когда вырасту?

— Ясное дело, кем, — отвечает мама, — станешь большим, красивым зайцем, как твой папа!

— Как папа? Ну это мы еще посмотрим! — сказал Русачок.

И побежал, пошел смотреть, в кого бы ему превратиться.

«Посмотрю, — думает, — на всех, кто в лесу живет: кто больше понравится, тем и стану!»

Маленький, а хитрый!

Идет по лесу, а кругом птички поют.

«Эх, — думает Русачок, — а не стать ли и мне птичкой? Буду себе летать да песни распевать! Уж больно я петь люблю, а мы, зайцы, очень тихо поем — никто и не слышит!»

Только он это подумал — видит: сидит на суку птица. Замечательная птица: больше зайца ростом, перья черные, брови красные и поет замечательно:

— Бу-бу-бу! Чуфык-чуфык!

— Тетенька птица! — кричит Русак. — Как вас звать?

— Чуфык-чуфык! — отвечает Глухарь (это он и был).

— Дяденька Чуфык, как мне птицей стать?

— Чуфык-чуфык! — отвечает Глухарь.

— Хочу в птицу превратиться, — объясняет Русачок.

А тот все свое:

— Бу-бу-бу! Чуфык-чуфык.

«Не слышит он, что ли?» — подумал Русачок и только было собрался поближе подойти, слышит: топ-топ, топ-топ!

— Охотник! Спасайся, дяденька Чуфык! — крикнул Русачок и едва успел в кустах схоро-

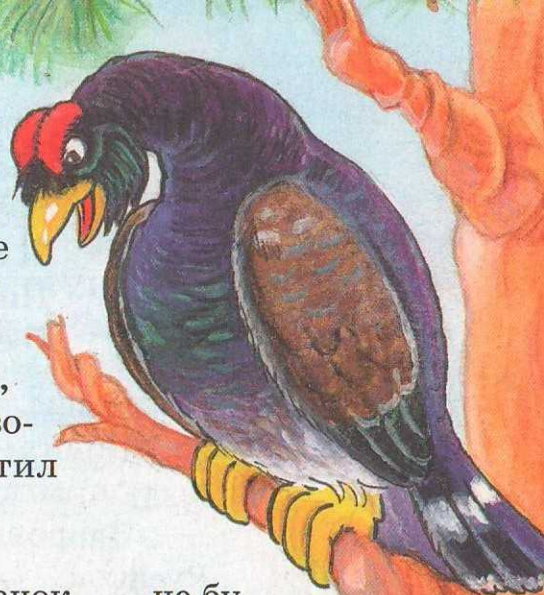
ниться, вдруг ружье как загремит: бах! бах!

Выглянул Русачок: в воздухе дыму полно, перья летают — полхвоста у Глухаря отхватил Охотник...

Вот тебе и чуфык!

«Нет, — думает Русачок, — не буду я Глухарем: хорошо он поет, громко, да никого не слышит; тут и хвоста лишиться недолго... Наше дело — ушки на макушке держать!»

Поскакал-побежал дальше, а для храбрости сам песню запел — Храбрую Заячью песню:

Раз-два-три-четыре-пять —
Шел Охотник погулять!
Вдруг Зайчонок выбегает
И давай в него стрелять!
Пиф! Паф! Ой-ой-ой!
Убежал Охотник мой!

Спел — на душе веселее стало.
Видит — Белка с ветки на ветку прыгает.

«Здорово прыгает, — думает
Русачок, — не хуже меня! А не
стать ли мне Белкой?»

— Белка, Белка, — говорит, —
иди-ка сюда!

Соскочила Белка на самую нижнюю ветку.

— Здравствуй, Русачок, — говорит, — чего тебе?

— Расскажи, пожалуйста, как вы, белки, живете, — просит Русачок, — а то я надумал Белкой стать!

— Ну что ж, дело хорошее, — говорит Белка. — Живем мы прекрасно: с ветки на ветку прыгаем, шишки лушим, орешки грызем. Забот только много: гнездо устрой, на зиму запас собирай — грибы да орехи... Ну да ничего, когда привыкнешь! Полежай на дерево — я тебя всей беличьей науке обучу!

Подошел Русачок к дереву, а сам думает: «Заботы какие-то... Мы, зайцы, без забот живем, гнезда не строим, норы не роем...».

Полез было на дерево, да голова у него закружилась...

— Нет, — говорит, — не хочу Белкой быть! Не наше это дело — по деревьям лазить!

Засмеялась Белка, зацокала, шишкой в него запустила.

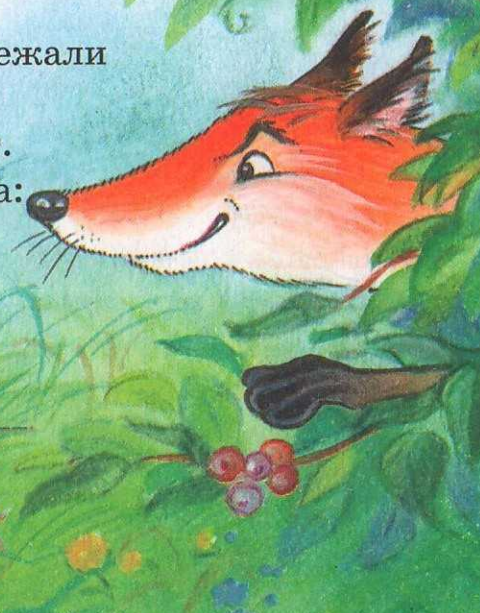
Спасибо, не попала.

Пошел Русачок дальше. Пришел на полянку. А там веселье — мышата в салки играют. Засмотрелся на них Русачок.

Вдруг — что такое: побежали все сломя голову прочь.

— Лиса! Лиса! — кричат.

И верно, идет кума Лиса:

шубка рыжая, грудка белая, ушки на макушке, хвост поленом. Красота!

«Неужели, — думает Русачок, — это они ее, такую красивую, испугались! Не может быть!»

Вышел смело, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, кумушка Лиса! Можно, я у вас одну вещь спрошу?

— Ишь какой смелый! — удивилась Лиса. — Ну что ж, спрашивай, только поживей, а то у меня с вашим братом разговор короткий!

— А я недолго. Научите меня, как мне Лисой стать? Расскажите, как живете? Очень вы мне понравились!

Лисе лестно.

— Ну что ж, — говорит, — живу обыкновенно: кого изловлю — того задавлю, кого задавлю — того съем! Вот и вся наука!

Ох, как страшно стало Русачку! Но виду не подал — только ушами стрижет.

— Вот, — говорит, — почему вас все боятся! Нет, не стану я Лисой — не наше это дело других обижать!

— И хорошо, — говорит Лиса, — а то, если зайцы лисами станут, кого мы, лисы, есть будем?

А у самой глазищи так и горят, зубищи оскалила: сейчас прыгнет — и прощай, Русачок!

Только Русачок ее даже недослушал: как припустится — поминай как звали! Бежит, а про себя приговаривает: «Ишь чего выдумала! Живых

зайцев есть! Это значит: стань я Лисой, я сам себя съесть должен! Ну и ну!».

Долго бегал Русачок по лесу. Всех зверей повидал. Все ему, кроме Волка — он еще злей Лисы, — понравились. Да только не совсем.

Хотел было Мышкой стать — да больно мала и уши коротки; хотел Ежом — да больно колючий, никто его не погладит, а заяц — он ласку любит; хотел Бобром — да в реке больно мокро...

Совсем было собрался Медведем стать: сказал ему Медведь, что он мед ест, а мед, мол, еще слаще морковки, — да не захотел Русачок зимой в берлоге спать, лапу сосать.

— Мы, — говорит, — этого не можем. Наше дело бегать.

Бегал-бегал — прибежал к болотцу лесному.

Да так и замер.

Стоит зверь — всем зверям зверь: сам большой-пребольшой, больше Медведя, ноги длинные, уши — не хуже заячьих, да целых две пары! А глаза — добрые-предобрые.

Стоит — травку щиплет, осиновую ветку гложет.

Уж как он Русачку понравился — и сказать невозможно!

Поклонился он зверю низехонько.

— Здравствуйте, дяденька, — говорит, — как вас звать-величать?

— Здравствуй, Русачок, — говорит великан, — звать меня Лось Сохатый.

— А зачем у вас, дяденька, две пары ушей?
Засмеялся Лось Сохатый.

— Это, — говорит, — ты, видно, мои рога за уши принял!

— А зачем вам рога?

— От врага защищаться, — говорит Лось. — От волка там или еще от кого.

— Ой, как здорово! — говорит Русачок. — А как вы, лоси, живете?

— Живем обыкновенно: ветки гложем, траву щиплем.

— А морковку едите?

— Едим и морковку, коли попадется.

— А других зверей не едите?

— Бог с тобой, — говорит Лось. — Что придумал! Тут Лось еще больше Русачку понравился.

«Стану Лосем», — думает.

— А по деревьям не лазите? — спрашивает.

— Да что ты! Зачем это?

— А бегаєте быстро?

— Ничего, не жалуюсь, — смеется Лось Сохатый.

— А зимой в берлоге не спите, лапу не сосете?

— Что я — Медведь, что ли? — фыркнул Лось.

Ну, тут совсем решил Русачок Лосем стать.

Но на всякий случай еще об одном решил спросить:

— А скоро ли можно Лосем стать?

— Ну что ж, — говорит Лось Сохатый, — скоро: расти надо лет пять этак или шесть — и будет из Лосенка настоящий Лось Сохатый!

Уж как тут Русачок огорчился — чуть не заплакал!

— Нет, — говорит, — не наше это дело — пять лет расти! До свиданья, дяденька Лось! Ничего у меня не выходит...

— Прощай, малыш, — говорит Лось Сохатый. — Не горюй!

И побежал Русачок домой.

Подбежал к знакомому пруду — в пруду желтые листья плавают, а на большом листе Лягушонок сидит. Подрос он, конечно. Пожалуй, и Лягушкой назвать можно, но Русачок его все равно сразу узнал.

— Здравствуй, — кричит, — бывший Головастик!

Он-то узнал, а Лягушонок, видно, нет: испугался и в воду нырнул.

Удивился Русачок. «Что это он?» — думает.

Высунулся Лягушонок из воды и говорит:

— Эх, ты! Чего людей пугаешь?

— Да не я «эх», а ты «эх»! — засмеялся Русачок. — Что ж ты, бывший Головастик, своих не узнаешь? Это ж я!

— Что значит — я? — удивился Лягушонок.

— Ну я, твой знакомый Русачок.

— Вот так так, — говорит Лягушонок. — Какой ты Русачок? Ты самый настоящий Заяц-Русак!

И нырнул.

Посмотрелся Русачок в воду, когда круги успокоились.

Видит — и верно: стал он большим, красивым зайцем. Точь-в-точь как папа: шерстка пушистая, лапы сильные, глаза большие, а уши — ни в сказке сказать, ни пером описать!

И забарабанил он лапами.

От радости.

Почему рыбы молчат

В СТАРИНУ рыбы любили поговорить, а Судак — так тот уж даже слишком. Добро бы он дело говорил, а то все пустяки: то ласы точит, то ерунду мелет, то чепуху несет, а бывало и того хуже: лишнее болтает.

И до того он как-то всем рыбам надоел, что ни одна с ним и разговаривать не желает: только разлетится он к какой-нибудь рыбе побеседовать, а она вильнет хвостом — и поминай как звали!

Вот плавал он, плавал, молчал-молчал — до того намолчался, хоть топись!

А язык чешется смерть как!

Подплыл Судак с горя к берегу. Думает: нет ли хоть там кого, с кем бы посудачить.

Высунул нос из воды, смотрит — верно, сидит на берегу кто-то мохнатенький, четыре лапки, пятый — хвост.

— Эй ты, Мохнатенький, — говорит Судак. — Ты кто будешь? Рыба?

— Да что ты, — говорит Мохнатенький, — какая же я рыба! Я зверь — Выдра.

— Вот я и думаю, что не рыба, — говорит Судак. — Что рыбе на сухом месте делать? Дура она, что ли?

Сказал — и тут же язык прикусил.

Но Выдра — ничего, не обиделась, только облизнулась.

— Почему же сразу — дура? — спрашивает. — Разве на бережку плохо?

— Еще бы не плохо, — говорит Судак. — Совсем жить нельзя!

— А в воде, выходит, можно?

— В воде-то? Сравнила тоже! В воде знай плавай в свое удовольствие!

— А если я плавать не умею?

— Плавать не умеешь? — удивился Судак. — Вот смехота! Да ведь это проще всего — плавать! Войди в воду — сразу и поплывешь!

— А не утону?

Судак со смеху чуть не захлебнулся. Даже пузыри пустил.

— Да что ты, — говорит, — кто же это в воде тонет? Мы вот, рыбы, всю жизнь живем, и ни одна, слава богу, не утонула!

Вошла Выдра в воду осторожно-осторожно: сперва по грудку, потом по шейку... поплыла, поплыла... да вдруг как кинется на Судака!

Еле-еле он от нее ушел, только из хвоста она ему середку вырвала: был хвост лопатой, а стал уголками.

«Ой-ой-ой, — думает Судак, — ни за что не буду с незнакомыми разговаривать, особенно со зверями! Ты им — слово, а они — за хвост! Ишь звери!».

Сказать сказал, а язык-то все чешется! Поплавал немного — в другом месте к берегу подплыл. Опять нос высунул.

Смотрит — на большом камне Незнакомка сидит, вся в перьях, беленькая, хорошенькая, а сама плачет жалостно-прежалостно: «Чаю! Чаю!».

Жалко ее стало Судаку.

— Эй ты, — говорит, — беленькая, хорошенькая! Ты не зверь?

— Да что ты, — говорит Незнакомка, — я, чай, птица! Чай, знаешь, Чайка я!

— А чего ты плачешь?

— Отчего плачу? Есть хочу, оттого и плачу!

— Есть хочешь? — удивился Судак. — Так зачем плакать? Возьми да поешь!

— Хорошо тебе советы давать! — говорит Чайка. — Я, чай, это и сама знаю! А что взять-то? Взять-то нечего, кроме песка да гальки!

Судак ну хохотать!

— Ох, уморила ты меня, — говорит наконец. — Еды сколько хочешь, а она говорит — есть нечего!

— Где?

— Да у нас в воде! И ракушки вкусные, и червяки, и раки ничего себе, а вкуснее всего... — Тут запнулся было Судачишка, да язык сам собой выговорил: — ...Вкуснее всего — кой-какие рыбешки!

И только у него эти слова вырвались — Чайка как взлетит, как ухватит его за спину, за самую середину!

Ну, Судак — он тоже не промах — кой-как извернулся, ушел. Только плавник спинной ему Чайка изорвала — он у Судаков и по сие время неровный.

Уплыл Судак в море, на глубокое место. Еле-еле отдышался. Сам себя ругает ругательно!

«Так мне, Судаку-дураку, и нужно, — думает. — Ведь знал же, что не годится с незнакомыми разговаривать! Ну уж теперь хоть режьте меня — ни

за что не буду! Зарок даю! Ни со зверями, ни с птицами! И к берегу не подплыву! Пусть у меня плавники отсохнут!»

И долго крепился, терпел. Целый день почти. Только уж к вечеру душа не вынесла — опять к берегу подобрался.

«Хоть одним глазком погляжу, — думает, — а говорить — ни-ни!»

Смотрит: что за чудо такое? Сидит на берегу Незнакомец, а кто он — и не понять! Вроде бы птица: нос птичий и посвистывает, да перьев нет! Вроде бы и зверь — да нет: на двух ногах и шерсти мало! Сидит, вечернюю зорьку встречает.

Глядел, глядел на него Судак, а заговорить боится: плавник-то еще саднит.

А Незнакомец заметил Судака и говорит:

— Добрый вечер!

Судак молчит.

— Что же ты не отвечаешь? — говорит Незнакомец. — Невежливо, брат.

Молчит Судак.

— А-а, ты, верно, говорить не умеешь, — догадался Незнакомец. — Верно, верно, рыбы ведь говорить не умеют! Забыл я, извини!

Обидно стало Судачишке. До того обидно — мочи нет!

— Это мы-то не умеем? — выпалил. — Да мы, если хочешь знать, ого-го-го как умеем! Еще и тебя научим!

— Да ну? — удивился Незнакомец. — Так что ж ты раньше-то молчал?

— А потому молчал, что я зарок дал — ни со зверями, ни с птицами не разговаривать, а то больно кусаться любят! Ты-то сам что за птица?

— Что ты, — говорит Незнакомец, — какая я тебе птица!

— Тогда, выходит, зверь?

— И не зверь я... Я, как бы тебе понятней объяснить... Человек я.

— Челове-ек? — повторил Судак. — Первый раз слышу! Ну, если Человек — тогда ничего.

— Вот и я думаю — ничего, — говорит Незнакомец. — А тебя-то как звать?

— Судак.

— Ну вот и познакомились, — говорит Человек. — Можем и побеседовать с тобой, пока я снасть налажу.

А сам на палку нитку привязывает.

— И для чего же такая снасть? — спрашивает Судак.

— Это я, — отвечает Человек, — врать тебе не стану — рыбки надумал наловить.

А Судак — от большого ума — как захохочет!

— Ры-ы-ыбки? — говорит. — Да как же это ты палкой рыбку ловить будешь?

— Там видно будет, — говорит Человек, а сам на нитку тоже что-то привязал — загогулину какую-то.

— Хотя верно, — говорит Судак, — у нас в море-океане такая дура-рыба есть, что и на палку клюнет! Не поверишь, какая дура! Камни — и то

хватает! Но, — говорит, — если хорошую рыбу хочешь подманить, ты ей...

И пошел, и пошел выкладывать: что какая рыба ест, да что особо любит, где ходит, да когда спит, да когда кормится.

Все выложил. Болтал, болтал — даже самому есть захотелось.

И вдруг видит: перед самым его носом червячок в воде вьется-извивается, аппетитный, толстый, словно говорит: «Съешь меня!».

Судак его и хамкнул.

Да только проглотить не успел — оказался на крючке.

— Ну, — говорит Человек, — что же мы с тобой делать будем? Уху варить?

А Судак от страха и «мама» сказать не может. Замер.

Жалко стало его Человеку.

— Так и быть, — говорит, — отпущу тебя для первого знакомства. Но гляди, в другой раз не попадайся!

Снял он Судачишку с крючка и в воду бросил.

Судак как припустится — и «спасибо» не сказал! Обеспамятел от радости, видно.

Но только с этого самого дня стало рыбы в реках-морях заметно убавляться.

И собрались однажды все рыбы на совет.

— В чем, — говорят, — причина? То нас ни зверь, ни птица, ни человек не трогали, а теперь таскают не судом! Признавайся, кто их научил!

Пришлось Судачишке каяться.

— Так и так, — говорит, — я, дурак, проболтался! Делайте со мной что хотите — я всему виной!

Хотели было рыбы его за это смерти предать, да, спасибо, Камбала — умнее ее рыбы на свете нет — отговорила.

— Этим, — говорит, — горю все равно не поможешь. И Судак у нас теперь ученый — будет молчать! Вот лучше-ка давайте и мы все вперед будем язык за зубами держать, чтобы ни люди, ни птицы, ни звери больше никаких наших рыбьих хитростей не узнали.

Так и порешили.

С тех-то самых пор все рыбы воды в рот набрали и ни с людьми, ни со зверями, ни с птицами не разговаривают.

Говорят только между собой.

И то — тихо-тихо.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Моя Вообразия

Моя Вообразия	6
Бочонок собачонок	8
Кит и кот	9
Слонопотам	14
Про собачечек. Характеры	15
Жалостная песенка про Кошечек и Собачечек	17
Сказка про доброго Носорога	19

Перемена

Два и три	24
Никто	25
Не везет	26
Петя мечтает	28
Вредный кот	29
Перемена	31

Сказки

Ма-Тари-Кари	34
Русачок	43
Почему рыбы молчат	54

Для младшего школьного возраста

Борис Владимирович Заходер

СТИХИ И СКАЗКИ

Составитель *Е. Позина*

Художник *М. Кондратенко*

Рисунок на обложке *С. Бордюга*

Редактор *М. Калугина*

Художественный редактор *Н. Василевская*

Технический редактор *М. Столярова*

Компьютерная верстка *И. Алексин*

Корректор *Т. Тарасова*

Подписано в печать 03.10.07. Формат 60×90/16.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4. Тираж 8000 экз. Заказ № 9566.

ООО «Стрекоза». 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 4, корп. 4.

ОАО «Типография «Детская книга».

127018, г. Москва, Сущевский вал, 49.

Телефоны для реализации:

(495) 641-10-27, (4872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

E-mail: strecoza@df.ru

Наш сайт: www.strecoza.ru

«Стрекоза»

В моей Вообразилии,
В моей Вообразилии —
Там царствует фантазия
Во всём своём всесилии;
Там все мечты сбываются,
А наши огорчения
Сейчас же превращаются
В смешные приключения!

ISBN 978-5-89537-468-9

9 785895 374689 >